

Нет автора

**Известия отделения русского языка и
словесности Императорской академии наук**

Том 05. Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук: Том 05. Книга 1 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 370 с.

ISBN 978-5-4241-6406-4

ISBN 978-5-4241-6406-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

разъ поднимается въ книгѣ, но нѣсколько случайно, по поводу той или другой этимологіи; бастарны являются посредниками между кельтами и славянами; въ 16 и 17 положеніяхъ къ диссертации авторъ обобщаетъ данныя, разсѣяанныя въ его трудѣ: бастарновъ перебросили на восточные склоны лѣсныхъ Карпатъ кельты, занявшіе по уходѣ бастарновъ сѣверную Венгрію, Моравію и Чехію, гдѣ ихъ застали славяне. Но въ сѣверной Венгріи кельты могли сидѣть съ незапамятныхъ временъ, волки населять Силезію — Галицію; таково мнѣніе Бремера (Paul's Grundriss, 2 Aufl. III B. 4 Lief. 1900, стр. 778 — 779), съ нѣкоторыми выводами котораго авторъ навѣрно бы посчитался, еслибъ они стали ему извѣстны во время.

I.

Книгу г. Брауна можно по праву назвать апологіей Птолемея-географа. Мюлленгофъ на столько разувѣрился въ немъ, что назвалъ его «настоящимъ пачкуномъ древней географіи» (стр. 383). Ему вторили другіе. Г. Браунъ возстановляетъ репутацію Птолемея, сваливая часть вины на его послѣдователей, ставившихъ свою задачу въ принципѣ такой формулы приведенія Птолемеевыхъ градусовъ долготы и шроты къ соответствующимъ величинамъ нашей карты, которая была бы примѣнима къ картѣ Птолемея во *всемъ* ея объемѣ. Такой приемъ былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы все отличіе послѣдней отъ нашей заключалось только въ различномъ опредѣленіи длины экватора. Но дѣло не въ этомъ одномъ, а главнымъ образомъ въ приемахъ составленія карты. Передъ Птолемеемъ было два рода источниковъ: съ одной стороны труды древнихъ географовъ и историковъ, дававшихъ матерьялъ уже въ обработанной формѣ и болѣе или менѣе стройной картинѣ, съ другой — итinerary путешественниковъ, купцовъ, таблицы разстояній, карты въ родѣ пейтингеровой. Въ этомъ матерьялѣ онъ разбирается съ

извѣстной критикой, выработанной путемъ наблюденій и провѣрокъ; его задача сводилась къ переводу стадіазмовъ на градусы и минуты долготы и широты, для чего слѣдовало создать сложную сѣть меридіановъ и параллелей. Эта сѣть гь принципѣ вѣрна; если она не совпадаетъ съ нашей, то ошибка кроется въ невѣрномъ опредѣленіи длины большого круга, перенятомъ у Поссидонія, отношенія же параллелей къ меридіанамъ вычислены приблизительно точно.

Установивъ (стр. 344—50) матерьялъ и приемы Птолемея, авторъ вмѣняетъ изслѣдователю въ обязанность всматриваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ базисъ птолемеевой ориентировки и не разсматривать его карту въ цѣломъ ея составѣ, а разбивать по возможности на тѣ-же составныя части, изъ которыхъ ее, такъ сказать, склеилъ самъ Птолемей. Разъ эта подготовительная работа выполнена, изслѣдователю остается перевести птолемеевы данныя на нашу карту графическимъ или геодезическимъ путемъ (стр. 350—59).

Трудъ, разбираемый нами, представляетъ попытку приложить эти теоретическія соображенія къ возстановленію карты, или, точнѣе, картъ Птолемея; это базисъ изслѣдованія. И въ самомъ дѣлѣ: въ вопросѣ о гото-славянскихъ отношеніяхъ историческіе источники не могли дать автору ничего, кромѣ слабыхъ, блѣдныхъ намековъ; археологія онъ пока не вѣритъ: она еще никогда не давала и не даетъ новыхъ и точныхъ историческихъ результатовъ въ вопросѣ совершенно еще темномъ; она шьетъ узоры по подготовленной раньше канвѣ; канву можетъ дать одна лингвистика, она дастъ основу для изслѣдованій археологическаго, а, можетъ быть, и историко-литературнаго и юридическаго характера. «Создать эту основу — составляетъ главную задачу нашего труда», говоритъ авторъ, но тутъ-же сознается, что для этого необходима подготовительная работа: необходимо уяснить себѣ, въ силу какихъ *географическихъ* и *политическихъ* условій могло сказаться на языкѣ и жизни славянскихъ племенъ вліяніе готовъ (стр. 22—3).

Основу создасть, стало быть, географія; но если археологія не дасть опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, то и лингвистика не располагаетъ средствами точно опредѣлить народность хотя-бы бастарновъ или будиновъ и терять пить въ вереницѣ этническихъ именъ, которыя могли переходить отъ одной народности къ другой, чуждой, смѣнившей ее на той-же осѣдлости.

Я назвалъ книгу г. Брауна — попыткой, остроумной и нерѣдко блестящей по совпаденіямъ не только разстояній и географическихъ признаковъ (укажу, напр. на опредѣленіе Геродотовскаго Гипакря стр. 219 слѣд., Герроса стр. 234), но и мѣстныхъ названій. Приходилось бороться съ трудностями, вести къ рѣшенію отъ гипотезъ путемъ выкладокъ, провѣрять которыя дѣлю картографа. У Птолемея были разновременные источники, старыя и новыя карты. Онъ пытался помирить ихъ, и неудачи его контаминаціи раскрываютъ намъ «хронологію» устьень Дуная (стр. 190) и Диѣира (стр. 209, 216). Иной разъ передъ нимъ были двѣ карты одной и той-же мѣстности, одна ориентированная съ юга, другая съ сѣвера, и, не будучи въ состояніи разобраться въ нихъ, онъ помѣстилъ рядомъ двѣ Богеміи и двѣ Моравіи: въ одной система Судетъ носить названіе Ἀσχιβοῦργιον ἔρος, въ другой Ὀρχύνος δρυμός, обозначающій Судеты въ узкомъ смыслѣ, т. е. Исполновыя горы и такъ называемое Gesenke, примыкающее на востокѣ къ западнымъ Beskiden (сл. стр. 40—3). Наложивъ одну карту на другую въ одинаковомъ направленіи ориентаціи, мы получимъ: Ἀσχιβοῦργιον = Ὀρχύνος съ Gesenke. Здѣсь приходитъ на помощь лингвистика (стр. 43, прим. 1), ничего впрочемъ не разъясняя. Авторъ видитъ вмѣстѣ съ Мухомъ въ чешскомъ обозначеніи Ясеникъ, Есеникъ передачу Ἀσχιβοῦργιον, отъ *aski, др. сѣв. askr, нѣм. Esche; Мухъ считаетъ Gesenke нѣмецкой передачей Ясеника, но г. Браунъ отстраняетъ это мнѣніе, указывая на городъ Asanka, который Птолемей помѣщаетъ тамъ, гдѣ Gesenke примыкаетъ къ Beskiden: нын. Teschen или Яблунковъ (см. стр. 65, 355,

370). Asanka = *Gasanki = Gesenke не предполагаетъ славянскаго Ясеника въ эпоху Птолемея, а въ тоже время накопленіе въ одной и той-же мѣстности этимологій: Ἀσχιβοῦργιον = Ясеникъ и Gasanki — Ἀσάνχα — Ясеникъ возбуждаетъ вопросы этнической хронологіи, въ которыхъ лингвистика не помогаетъ намъ разобратъся.

Но географическіе приемы Птолемея представляли еще другія затрудненія. Авторъ не разъ отмѣчаетъ его склонность схематизировать карту, водворяя въ ней внѣшній порядокъ, заполняя пустыя мѣста, увлекаясь теоретическимъ взглядомъ, напр., что всѣ значительныя рѣки берутъ начало либо изъ горъ, либо изъ озера (стр. 216) и т. п. При неполнотѣ или противорѣчии источниковъ, бывшихъ въ его распоряженіи, такая схематизація еще болѣе путала дѣло, ставя изслѣдователя въ тупикъ, изъ котораго онъ порой выходилъ путемъ «очень смѣлыхъ» (стр. 143), во многихъ случаяхъ очень удачныхъ перестановокъ. Таковой представляется мнѣ предположеніе, что смѣшеніе Буга съ Ингульцемъ побудило Птолемея перенести на вторую рѣку города, лежавшіе на первой. Къ подобному приему онъ, оказывается, прибѣгалъ нерѣдко, когда, напр., передвинувъ на сѣверъ источникъ Вислы, въ связи съ созданной имъ двойственностью Ἀσχιβοῦργιον-Ἄρκυμος, онъ перенесъ въ образовавшееся такимъ образомъ пространство въ восточной Германіи, къ югу отъ буровъ, сидѣвшихъ у верховьевъ Вислы (стр. 40), цѣлый рядъ народностей изъ сѣверо-западной Венгріи: сидиновъ, котиновъ и висбургіевъ (стр. 44—5). Авторъ водворяетъ ихъ (стр. 157) по слѣдамъ Мюлленгофа, но съ нѣкоторой разницею въ приуроченіи, на старыя мѣста, усматривая вмѣстѣ съ нимъ въ первой части Οἰσβοῦργοι — паннонскихъ осовъ. Но г. Браунъ идетъ и далѣе, возобновляя догадку Wislicenus'а, что во второй части того-же слова скрываются буры: Тацитовскіе Osi Buri дали, будто бы, Οἰσβοῦργοι. Но буры относятъ насъ къ верховьямъ Вислы, и въ характерномъ Οἰσ- (см. Οἰστούλα) нѣтъ, можетъ быть, нужды искать осовъ. Съ другой стороны, если мыслимо

въ этническомъ названіи — βούργιαι видѣть не *burgiz а Buri (стр. 45—6), то почему было не приложить этого объясненія къ Ἀσχιβούργιον, гдѣ въ суффиксѣ дано было-бы опредѣленіе народности? Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Другое перенесеніе Птолемея: онъ переселилъ изъ Дакии въ западную Сарматію цѣлыхъ шесть народностей (стр. 157). И здѣсь авторъ поступаетъ такъ же, руководясь тѣмъ-же отрицательнымъ критеріемъ—Птолемеевой схематизаціи, но оправдывая его совпаденіями, освѣщающими спорные вопросы славянской этнографіи и нашей лѣтописной географіи. Птолемеевскіе койстобоки и сабоки жили на верхнемъ Szamos'ѣ, притокѣ Тиссы, въ нынѣшней Буковинѣ и, вѣроятно, въ прилегающихъ задніеэтровскихъ областяхъ южной Галиціи (стр. 149). Еще Мюлленгофъ, повторяя съ большими сомнѣніями объясненіе Шафарика, видѣлъ въ -βῶχοι слав. бокъ, откуда Буковина, въ -κιστο—славян. cēsta; но *Вῶχοι были дакійцы, Κοιστο — и Σα — лишь приставки, отличавшія отдѣльныя части одной и той-же народности; Буковина — страна боковъ: въ древнихъ заимствованныхъ словахъ чуждое ὀ всегда переходитъ въ слав. у (стр. 148—9). Если Мюлленгофъ заключаетъ, несмотря на этимологию Шафарика, что въ Птолемеевскую пору славянъ полъ Карпатами не было (D. A. II, 87), то авторъ отмѣтилъ, пока отрицательный, фактъ, бастарно-славянскаго общенія: позднѣйшіе насельники Буковины, славяне, переняли названіе страны непосредственно отъ даковъ, не отъ германцевъ, въ устахъ которыхъ по закону перебора боки получали-бы форму *rḃxḃz. Отсюда выводъ, что бастарнскаго осѣдлаго населенія въ Буковинѣ никогда не было (стр. 150—1). Разумѣются бастарны — германцы, не кельтизованное германское племя, какъ полагаетъ Бремеръ, выражающій сомнѣніе, признать ли въ са- и койстобокахъ дакійцевъ или кельтовъ (I. с., стр. 780). Этимологию Буковины этимъ не отмѣняется, но расширяется граница кельтскихъ вліяній.

Даками признаетъ г. Браунъ и кауковъ, καυκῶνιστοι = саи-

соenses (стр. 144 слѣд.); они жили южнѣе койстобоковъ (стр. 149), въ нынѣшнемъ Седмиградѣ, въ центрѣ Карпатской горной системы. Имя кауковъ проливаетъ свѣтъ на лѣтописное названіе Карпаты: Кавказскія горы, рекше Угорскія; Лавр. 3: Дунай, Днѣстръ и Кавказскія — Кавкасіскія горы (стр. 145—6). Къ этой догадкѣ автора присоединю и слѣдующую: можетъ быть, это тѣ-же горы въ Седмиградскихъ-же Карпатахъ, которыя упоминаются впоследствии какъ аланскія или гуннскія: арханческое воспоминаніе пзъ поры движенія, которое къ началу христіанской эры наполнило южнорусскія степи сарматскими народностями, аланами, языгами, роксоланами (стр. 91 слѣд.). Земли роксолановъ, т. е. свѣтлыхъ алановъ, доходили уже въ первой половинѣ II в. (какъ и у Иордана) до Дакіи; въ подѣпровѣ застали ихъ готы; аланы, ясы русской лѣтописи, осы западныхъ и восточныхъ свидѣтельствъ, выйдя пзъ сѣвернаго Кавказа, распространились до Дона, но со II в. по Р. Хр. оказались близкими сосѣдями готовъ и др. германцевъ, сживаясь съ ними, участвуя съ ними въ великомъ переселеніи народовъ. Оттуда понятны разсѣянныя на далекомъ пространствѣ названія аланскихъ = яскихъ горъ (сл. *Ann. Marc. 31, 2, 13: hoc, sc. Tanai, transito, in immensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appellatione cognominati*). Можетъ быть, и Ἰαλανὸν ὄρος, помѣщенный у Птолемея къ сѣверо-западу отъ устья Дона, не принадлежитъ къ числу его систематизирующихъ перемѣщеній, какъ полагали Мюлленгофъ (*D. A. III, 99*) и Томашекъ (*Pauli-Wissowa, Realencycl. des kl. Altherthums I, 1281*); яскія горы указывали въ XIV вѣкѣ въ Крыму; Дука рассказываетъ, что валашскій воевода Владъ, готовясь къ войнѣ съ турками, угналъ свой скоть во внутренность страны, къ «аланамъ и гуннамъ»; Халкондиль опредѣляетъ и мѣстность: трансильванскія горы, въ сосѣдствѣ Седмиградіи: аланскія горы? Если, толкуя *Rosmufjöll* Атлаквиды, какъ горы Иорнандовыхъ росомоновъ, я видѣлъ въ послѣднихъ не роксолановъ, а, по слѣдамъ проф. Васильевского,

кавказскихъ оромусховъ, или росмосоховъ¹⁾, то потому, что безсознательно приурочилъ яскія = аланскія горы именно къ Кавказу; но горы росомоновъ — роксолановъ, аланскія, могли находиться гдѣ-нибудь въ области, гдѣ роксоланы сталкивались съ готами.

Къ столь-же неопредѣленному рѣшенію приводитъ и Jössur-, Jassafjöll Hervararsaga'и. Мухъ, этимологін котораго: Asciburgium=Jasenik=Gesenke мы коснулись выше (стр. 5,) объясняетъ сѣв. Jassafjöll смѣшеніемъ слав. ясень съ яспигъ—аланъ, откуда, при нѣмецкомъ посредствѣ, Jassa- (род. пад. множ. числа) fjöll, т. е. горы ясовъ. Если битву готовъ съ гунами, о которой говорится въ сагѣ, приурочить къ Ясеняку — Asciburgium, то послѣдній отвѣтилъ-бы «лѣсу—горѣ» на Вислѣ, гдѣ по Vidrið 121 произошелъ бой между тѣми-же народностями (съ лѣсомъ на Вислѣ сл. Ὀρχύμος δρυμός). Но текстъ саги не ведетъ къ точному приуроченію: «Назначь мѣ (мѣсто) на Дилгѣ (или Диньгѣ) и на долини́ Дуна и у всѣхъ горъ ясовъ. Тамъ готы часто творили битву и одерживали, славные, блистательную побѣду»²⁾. Dylgja — Dungja не опредѣлима и имѣть причины предполагать, что названія слѣдующихъ мѣстностей стоятъ въ непосредственной географической связи: назначь любое изъ мѣсть, гдѣ готы побѣждали своихъ враговъ, въ долини́-ли Дуна (Dunheiðr), или у яскихъ горъ. Я сближалъ Dun- съ осетинскимъ, вѣроятно, аланскимъ, дон = вода, рѣка; можетъ быть, это и не Донъ, а названіе какой-нибудь другой рѣки — у яскихъ горъ. Мухъ видитъ въ Dunheiði память о Птолемеевыхъ (Δούρισι) Δούροι, жившихъ къ сѣверу отъ Моравіи, а въ битвѣ готовъ съ гунами, рассказанной въ сагѣ, отраженіе рассказа Павла

1) Славяно-германскіе отрывки, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLXIV, отд. 2, стр. 1—3 и прим. на стр. 31. Бугге видѣлъ въ Юрнандовыхъ росомонахъ, gens infida, эпическое прозвище: рыжіе, гот. *Ruzmanans; Koegel возстановилъ гот. *Hgausamuni, fortis animo.

2) Сл. Мелкія замѣтки къ былинамъ VII, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLVII, отд. 2, ст. 86 и т. д.

Діакона о битвѣ гунновъ съ лангобардами, мѣстность которой не указана.

Вопросъ о *Dunheiti* возвращаетъ насъ еще разъ къ «перенесенію» Птолемея, которому г. Браунъ пособилъ обратной перестановкой, возбуждающей, однако, нѣкоторыя сомнѣнія. Дѣло касается лугійскихъ народностей (стр. 46 слѣд.), среди которыхъ авторъ позволяетъ себѣ нѣкоторыя перемѣщенія именъ тамъ, гдѣ они, повидимому, помогаютъ выясненію интересующаго его вопроса (стр. 50). Насъ касаются въ данномъ случаѣ Дидуны: они живутъ на верхнемъ Одерѣ и верхней Вислѣ, можетъ быть, до верхней Варты на востокъ и Барчъ на сѣверѣ (стр. 56, 59). Въ мюллеровскомъ текстѣ Птолемея они зовутся *Αδοῦοι οἱ Διδουνοί*, Мюллергофъ читаетъ *Διδουνοί*, Zeuss исправляетъ: *Δοῦνοί*, Мухъ и авторъ принимаютъ это исправленіе (стр. 155). Для послѣдняго оно важно: онъ усматриваетъ въ *Dunheiti* *Herwagsaga*'и — пустошь дуновъ; Мухъ приурочиваетъ *Dunheiti* къ знакомому намъ Gesenke, и авторъ спѣшитъ отмѣтить, что «по точному смыслу слова Птолемея» тамъ именно живутъ (ди)дуны; но по точному смыслу тамъ живутъ лугіи буры (см. на картѣ: IX дидуны, XIII буры; висбургіи?). Имя (ди)дуновъ авторъ раскрываетъ намъ и далѣе — въ названіи города *Αουιδουνον*, помѣщеннаго Птолемеемъ подъ 39° 30' долг., 52° 30' шир.; его отождествляли съ Лигницемъ, что кажется автору невѣроятнымъ: связь съ именемъ (ди)дуновъ слишкомъ ясна, Птолемей погрѣшилъ перенесеніемъ, на этотъ разъ, не сознательнымъ. Объясненіе дается такое: въ область между Одеромъ и Вислой вели съ юга два пути: первый — черезъ Моравію и сѣверо-восточную Богемію пересѣкалъ систему Судетъ по долинѣ рѣки Neisse, притока Одера, около нын. Глаца; второй шелъ черезъ землю лугіевъ — буровъ, достигая верховьевъ Вислы, либо по Моравѣ, пересѣкая Бескиды въ Яблунковомъ ущельѣ въ Австрійской Силезіи. По обѣимъ дорогамъ ходили римскіе купцы, и обѣ были, конечно, извѣстны Птолемею, пользовавшемуся итинераріями этихъ купцовъ. Имя (ди)дуновъ

взято имъ, безъ сомнѣнія, изъ итпнерарія, имѣвшаго въ виду второй путь; здѣсь же долженъ былъ значиться и Λουγιδουον. При массѣ матерьяла, имѣвшагося передъ нимъ, Птолемей допустилъ ошибку, перенеся Λουγιδουον на другую линію, т. е. на дорогу изъ Глаца, по которой, повидимому, ходили всего рѣже, такъ какъ она представляла наибольшія трудности (стр. 57—59, 63, 64).

Такое перенесеніе города съ болѣе знакомаго маршрута на менѣе извѣстный кажется мнѣ а priori невѣроятнымъ: обратная перестановка была-бы болѣе естественной. Правда, этимъ путемъ авторъ достигаетъ совпаденія: Λουγιδουον съ нын. деревней Луги, но послѣдняя лежитъ подъ 18°40' долг. и 50°50' шир. (стр. 58), и если названіе дѣйствительно пережило изъ поры лугіевъ, то оно могло обозначать какой нибудь другой лугійскій городъ, не Λουγιδουον. Это во-первыхъ; а во вторыхъ гипотеза: Λουγιδουον=поселеніе лугійскихъ дуновъ покоится на восстановленіи Zeuss'a: Δουνοι, вм. Διδουνοι. Почему не допустить въ окончаніи кельтск. dūnon (крѣпость), какъ извѣстно, перешедшее въ германскіе языки? Кельты могли быть въ Силезіи (Bremer l. c., стр. 782); связь Лугидуна съ Лигицемъ не невѣроятна; Лугидунъ встрѣчается и въ кельтскихъ мѣстностяхъ южной Германіи; тамъ и здѣсь отождествленіе dūnon съ (ди)дунами отпадаетъ.

II.

На широкомъ пространствѣ Птолемеевой карты, приуроченной къ нашему пониманію, совершаются передъ нами два главныхъ народныхъ движенія: на востокъ и позднѣе на югъ движутся бастарны, съ ними, эпизодически, скиры; съ юга на сѣверъ—готы.

Бастарны — германцы; опирается это положеніе автора 1) на свидѣтельства Страбона, Плинія и Тацита, хотя Плиній относитъ къ германцамъ и венедовъ (стр. 109—10), а Ливій 40, 57 считаетъ, повидмому, бастарновъ кельтской народностью; и 2) на «положительныя лингвистическія данныя». Если всѣ древніе авторы, вплоть до столкновенія римлянъ съ бастарнами, называютъ послѣднихъ, между прочимъ, галатами, т. е. кельтами, то произошло это по недоразумѣнію (стр. 101).

Что касается до данныхъ языка, то онѣ далеко не положительны: всего три личныхъ имени, три этническихъ названія и одно, вѣроятно, бастарнское названіе рѣки; изъ нихъ личные имена никакого опредѣленнаго рѣшенія не допускаютъ, объясненіе другихъ представляетъ «различныя возможности», такъ что авторъ принужденъ довольствоваться выводомъ, что разбираемая имена безъ натяжки могутъ быть объяснены изъ германскаго (стр. 111—113). Необъяснимо и названіе бастарновъ (стр. 113—115), хотя морфологически оно носитъ германскій характеръ (стр. 116). При столь скудныхъ лингвистическихъ данныхъ едва ли можно поставить вопросъ о связи бастарновъ съ вандильцами — лугіями, тѣмъ болѣе, что Плиній выдѣляетъ ихъ и пеукиновъ въ особую группу (стр. 105—6). Генель считалъ бастарновъ германизированными кельтами, Бремеръ видитъ въ ихъ этническомъ названіи признаки кельтскаго фонетизма; когда во II в. до Р. Х. они двинулись къ морю, они уже смѣшались съ кельтами (l. c., стр. 780).

Доисторической областью бастарновъ, доходившей на сѣверѣ, быть можетъ, до вольнскихъ болотъ, авторъ считаетъ Галицію (стр. 105); если имъ принадлежитъ перегласовка Карпатъ въ *Harfaſa*, то начало перваго германскаго перебоя, наступившаго ранѣе 400 лѣтъ до Р. Х., указываетъ приблизительно на *terminus a quo* ихъ поселенія. Но авторъ идетъ и далѣе, относя появленіе бастарновъ на восточныхъ склонахъ Лѣсныхъ Карпатъ къ VI в. до Р. Х. (сл. Положенія № 16). Точку отправленія для этой гипотезы дало передвиженіе неуровъ, един-